

Путь служения Христу блаженной старицы Любви Сусанинской Игуменья Евпраксия (Инбер)

Доклад игуменни Евпраксии (Инбер), настоятельницы Вознесенского Оршина женского монастыря на XXVI Международных Рождественских образовательных чтениях. Направление «Древние монашеские традиции в условиях современности» (Зачатьевский ставропигиальный женский монастырь Москвы, 25–26 января 2018 года)

Ваши Высокопреосвященства, Преосвященства, преподобные отцы игумены и матушки игуменнии и все участники сегодняшнего высокого собрания!

Наш небольшой доклад составлен на основе воспоминаний о блаженной старице Любви Сусанинской, собранных в ее жизнеописании. Уже третье издание этой книги недавно вышло в Твери, что свидетельствует о неугасающем интересе к этой подвижнице. Прошло уже двадцать лет со дня ее перехода в вечность. И нам кажется, что вся ее жизнь – готовые материалы для канонизации. Мне выпало счастье общения с этим действительно святым человеком, поэтому я сегодня охотно делюсь своими воспоминаниями с вами.

В известной книге «На высотах духа», написанной в 30-е годы прошлого века, автор, Сергей Большаков, приводит беседу с одним из подвижников монастыря Дионисиат, отцом Евфимием:

– ...А скажите, отче, какой самый высокий подвиг?

– Юродствовать, конечно. Ибо мудрость века сего – безумие пред Господом, и наоборот. Это тяжкий подвиг, и пускаться на него нельзя, кроме как по совету старца.

– А потом?

– Ну, странничество, вот как автор «Откровенных рассказов странника». Миру это то же почти, что безумие. Ну, а потом отшельничество, затворничество и простое монашество. Но помни, не внешность важна, а внутреннее.

В стремлении творить волю Божию – Да будет воля Твоя яко на Небеси, и на земли, в отсечении своей воли, в таинственном, невместимом мирскому устроению подвиге послушания и проходит наша монашеская жизнь, приводящая усердного делателя молитвы и послушания к ступеням той лестницы, с вершины которой с любовью смотрят на нас святые – святые старцы. А еще юродивые, своими юродивыми путями на эту лестницу взлетающие. Они ведают волю Божию, непрестанно в послушании воле Божией пребывают, ангельской жизнью здесь на земле живут.

Для нас это только путь, а для них это образ жизни.

Они-то, юродивые Христа ради, – избранные от чрева матери (см. Гал. 1:15), исполняют в Новозаветные времена послушание Ветхозаветных пророков. Так же, как древние пророки, они возвещают волю Божию, обличают человеческие пороки и молятся Богу о наших скорбях и немощах, и Господь по их святым молитвам творит явные чудеса.

Во уметы вменившие (см. Флп. 3:8) всё земное, не нуждаются они в наших монашеских трудах отсечения своей воли – она уже у них умерщвлена вместе с плотью, распятой со страстями и похотьми – на таковых несть закона (Гал. 5:23), потому и не имеют для них цены внешние формы, не требуются монашеские одежды – вся слава дщери Царевы внутрь (Пс. 44:14)... Наши монашеские обеты послушания, нестяжания и целомудрия и так исполняются ими в совершенстве.

Юродивых не может быть много, как и пророков никогда не было много: Земля даде плод свой (Пс. 66:7).

Блаженная старица Любовь – Любовь Ивановна Лазарева – родилась на свет 4 (17 сентября н. ст.) 1912 года в день памяти пророка и Боговидца Моисея и празднования иконы Божией Матери «Неопалимая Купина», в деревне Колодези, примерно в сорока километрах от Калуги. Иван Степанович, отец Любушки, был церковным старостой. В семье у Ивана Степановича и Евдокии Ивановны было шестеро детей. Любушка была младшей.

Любушка рано осталась круглой сиротой и была взята на воспитание тетей, которая очень старалась найти племяннице хорошего жениха. Тогда Любушка и переехала в Петербург к старшему брату Алексею. Брат помог ей устроиться калошницей на фабрику «Красный треугольник», где она проработала 11 лет. Всю ее пищу зачастую составляли кипяток да хлеб. Здоровье было подорвано, и на исходе первой блокадной зимы ей пришлось устроиться на новую работу – на бельевую фабрику кастеляншей. Здесь Любушка проработала недолго – она не могла согласиться на обманы и приписки (начальники заставляли рвать простыни пополам, чтобы из каждой получалось две), и ей предложили «уволиться по-хорошему».

В эти блокадные годы уже стал явно проявляться дар прозорливости блаженной. Так, по внушению Духа, она всегда при бомбежках выбирала самое безопасное место и своим примером показывала людям, где лучше всего оставаться.

Голодная жизнь и слабое здоровье привели к тому, что однажды она потеряла сознание и упала на улице. Так она очутилась в психиатрической больнице. Вскоре матушка решилась на побег. Она сама рассказывала, как сделала из полотенец и простыней веревку, по которой и спустилась через окно. Паспорт остался в больнице, на руках оказалась лишь справка, выданная сельсоветом у нее на родине, что она действительно таковая. Имея на руках такой документ, поступить на работу было невозможно. С этой справкой она и прожила до конца жизни.

После побега из больницы Любушка оказалась на улице. Три дня бродила по городу голодная, пока ее, плачущую, не увидела проходившая мимо пожилая женщина, которая ее накормила и посоветовала не стесняться просить Христа ради. Эту встречу Любушка приняла как указание свыше вступить на путь странничества во имя Христово.

Матушка рассказывала, что странствовала она по лесам и безлюдным местам, старалась идти по железной дороге, иногда выходя к человеческим селениям за пропитанием. Еще матушка говорила, что в начале своих странствий

езде ходила босиком, в любую погоду и в любое время года. При этом она совсем не ощущала холода и ноги ее ничуть не мерзли. Но однажды пришел помысел: «Как же так? Я не мерзну!» И всё, сразу стала мерзнуть.

В 50-е годы матушка жила в Вырице. У блаженной Любушки была большая духовная связь с преподобным Серафимом Вырицким. Огромный портрет его – фотография – всегда висел потом в ее келье на стене над кроватью.

Но наступило время, когда стал сказываться возраст и перенесенные лишения. И по смотрению Божию матушке предстояло стать не безвестной странницей, а старицей, помощницей и наставницей множества людей, которые вскоре узнали ее как прозорливую блаженную Любушку Сусанинскую.

Здесь, в маленьком Сусанино, в шести километрах от Вырицы, в доме благочестивой вдовы Лукии Ивановны Мироновой, провела она годы открытого служения ближним. Однажды Любушка просто подошла в Вырице к Лукии, встретив ее на дороге, и попросилась к ней на ночлег: «И ты здесь живешь? И я тоже буду здесь жить».

Любушке тогда было 62 года. У нее ничего не было, ни одежды, ни вещей, ни паспорта. Вскоре Любушка уговорила Лукию купить дом в Сусанино. Там Любушку почти всегда можно было застать в церкви Казанской иконы Божией Матери. В дни, когда служилась Литургия, она всегда исповедовалась и причащалась, а после службы принимала приезжающих к ней. Ехали к ней отовсюду, даже из-за рубежа.

Матушка очень любила монашествующих, но сама монашество не приняла, несмотря на то, что по своей жизни была «монахиня из монахинь». К Любушке приезжало много монашествующих из мужских и женских монастырей, многих молодых людей она благословляла поступать в обители. К ней за советом приезжали и архиереи, и настоятели обителей, и опытные духовники. И многие из них оказались на своем служении по молитвам и благословию старицы.

Мне довелось впервые услышать о блаженной Любушке еще в начале 1980-х годов, и с тех пор я все мечтала побывать когда-нибудь у нее. И вот однажды архимандрит Наум (Байбородин), как всегда окруженный по утрам множеством людей, вдруг подозвал меня к себе и познакомил с пожилым человеком, который стоял, ожидая благословения на дорогу, и сказал: «Вот ты его и проводишь к Любушке», и сам написал адрес: Сусанино, Шестая линия, 55. «Там найдете».

Оказалось, что этот человек организовывал «двадцатку» для открытия храма в Струнино, и батюшка отправил его к Любушке за благословением и молитвенной помощью (то было время, когда государство только-только начинало возвращать первые храмы, а о монастырях еще не было и речи).

Мы договорились с ним о встрече на Ленинградском вокзале, и по дороге домой я зашла в Перовский Универмаг – что-нибудь купить Любушке в подарок. Тогда еще в магазинах было как-то скромно и тихо. Я шла вдоль прилавков, и ничего не могла выбрать, все было не то, ни к чему душа не лежала. И вдруг возле платочного отдела как будто услышала: «Купи мне платочек». И я сразу увидела

этот платочек – белый, ситцевый, в мелкий синий горошек, с синей каемочкой, в каких стоят в церкви старушки.

Дома я приготовила еще несколько подарков – небольшие иконки, редкие фотографии старцев, не помню уже что, но что-то еще. Любушкин дом мы нашли сразу. Отворили калитку, поднялись на крыльцо. Дверь нам открыла хозяйка дома – Лукия. И мы не успели еще ничего сказать, как услышали откуда-то из-за перегородки Любушкин голос: «Ой, Струнинские приехали!», а потом уже и увидели – в правом углу комнаты, в глубине, маленькую согбенную фигурку блаженной Любушки – она словно замерла перед иконами.

Слева от двери стоял стул, и я начала по порядку выкладывать на него свои подарки, и с огорчением слышала из угла на каждую вещь что-то вроде: «это не возьму», пока не достала заветный платочек. Уже потеряв надежду, спросила: «А платочек возьмете?»

– Платочек возьму, – был ответ, и тут появилась Любушка, вся радость, внимание, вся – любовь и святость, и с тех пор и навсегда к Любушке я шла со страхом и трепетом, потому что здесь было то, чего не бывает уже на свете. Любушка была сошедшая с иконы живая святая. И мы все это знали и чувствовали, этого невозможно было не понять.

Вот тогда я впервые увидела, как молилась Любушка – будто писала пальчиком по ладошке – отправляла телеграммы на небо. Помню, как она взяла нас с собой в церковь. Она ходила вокруг меня и словно давила ногой на полу невидимых гадюк, тихо приговаривая: «Нельзя, нельзя». Тогда она и научила меня сначала прикладываться к иконам, а уже потом подходить к ней со своими вопросами.

А ведь очень может быть, что этим своим чудачеством, этой своей особенностью – пальчиком по ладошке – она уже тогда пророчески предсказывала массовое помрачение наших времен – эти наши теперь уже привычные смартфоны; теперь уже и дети пальчиком по экрану на ладошке отправляют телеграммы, вот только не на небо.

Однажды, когда я собиралась в Сусанино, моя подруга Татьяна наказала мне просить у Любушки святых молитв, чтобы решился вопрос – как ей дальше строить свою жизнь. У нее как-то все зашло в тупик, ее духовный отец уже измучился с ней. Вроде, решили, наконец, что она поедет в Ригу, в монастырь (а тогда женские монастыри были только «за границей» – Рига, Пюхтицы, Корец...) Она отправилась брать билеты и по дороге упала и сломала руку. Любушка, как обычно, записала мою просьбу пальчиком на ладошке – а надо сказать, что подруга моя никогда у Любушки не была. И вот через две недели она слышит от своего духовника: «Всё, решено. Поедешь в Дивеево и будешь там жить». И поехала она туда работать медсестрой в больнице, молиться и ухаживать за старенькими Дивеевскими монахинями. Так появлялись в Дивеево первые сестры.

Через год я снова оказалась у Любушки. Сколько людей побывало у нее за это время! Сколько бед и сколько просьб! И вдруг она неожиданно среди разговора спросила: «Ну, как там твоя Татьяна, которая сейчас у преподобного

Серафима?» А ведь я и забыла поблагодарить ее и, конечно, ничего не рассказала ей, как все устроилось тогда по ее молитвам.

Кстати, потом я поняла, почему Любушка отказалась тогда от всех моих икон и фотографий: она особым образом молилась каждому святому, чья икона была у нее в иконном углу. С каждым таким подарком был связан молитвенный труд еще и за всех, кто ей что-нибудь дарил, и каждый такой подарок непомерно усугублял этот труд. Как-то раз она подвела меня к столику возле окна и показала лежащие там иконочки, открытки, святыньки, и назвала имена всех, кто ей что-нибудь подарил, по порядку.

Обычно Любушка благословляла нас перед отъездом непременно побывать у блаженной Ксении и Иоанна Кронштадтского. Уезжая, мы обязательно брали у нее благословение на дорогу, и билеты на поезд всегда появлялись, даже если их вообще не было ни в одной кассе на несколько дней вперед.

Помню ее всегда в одной и той же одежде, в простой широкой юбке и ситцевой или байковой кофте навывпуск – так одета блаженная Ксения на всех иконах. А зимой – это ее знаменитое пальто – заплатка на заплате, но вот она приходит из церкви и аккуратно, не спеша, сворачивает его и кладет на табуретку у входа.

Как же хорошо было рядом с ней! Кто-то говорит, что ничего нельзя было понять – только через хозяйку-«переводчицу»! Ничего подобного. Да, действительно, она часто что-то лепетала на неведомом своем ангельском языке (но тут никакая переводчица и не помогла бы), и вдруг пронзительно и с любовью взглянет на тебя и скажет всё, что нужно, и никогда ни одного лишнего слова, каждое – на вес золота.

Очень я переживала, когда уходила в монастырь, – уже было принято решение, и, как почти всегда, когда предстояло что-нибудь важное, поворотное в жизни, Батюшка мой, архимандрит Наум, отправил меня к Любушке, наверное, за подтверждением решения и за молитвенной помощью и благословением. «Ничего не бойся, не смущайся, иди в монастырь, и родители так быстрее к вере придут», – сказала она мне в ответ на мои переживания о родителях, которых я оставляла в Москве. На 9 марта намечен был мой отъезд в монастырь. А 8 марта я в последний раз, уже без надежды (после нескольких резких отказов в ответ), спросила маму, которая не подозревала еще о том, что ждет ее завтра, не хочет ли она покреститься, и вдруг услышала невероятное: «С удовольствием!» А вскоре мама уже стала радостно приезжать ко мне в монастырь, а потом постепенно стал православным человеком и мой отец.

Почти всех, кого Любушка принимала из Москвы, она спрашивала: «Вы у отца Наума были? Сначала езжайте к отцу Науму, а потом сюда». Так и жили мы тогда между старцем Наумом и Любушкой, как по радуге ходили. И это было для нас естественно – «обыкновенное чудо».

Прошло еще несколько лет, и вдруг мы узнаем, что блаженная Любушка – в Николо-Шартомском мужском монастыре. «Возьми меня к себе», – сказала она неожиданно настоятелю отцу Никону, который тогда приехал к ней, и к его

изумлению поехала с ним в его монастырь. Как и в Сусанино, на новом месте к Любушке потянулось множество паломников. Несколько раз наш старец, архимандрит Наум, благословлял меня туда к ней с разными монастырскими вопросами.

А потом по Промыслу Божию снова продолжились ее странствия. Последним земным пристанищем для нее становится Вышне-Волоцкий Казанский женский монастырь на Тверской земле.

Однажды приходит ко мне матушка Вероника – супруга священника, который служил тогда в Тверском Екатерининском монастыре, и просит найти ей в Москве хорошего детского невропатолога – в Твери никто не может вылечить ее полуторагодовалого мальчика. Ребенок ходит на полусогнутых ножках – они у него до конца не разгибаются – родовая травма.

– Матушка, – говорю, – подождем с невропатологом, поезжайте-ка в Вышний Волочек, к блаженной Любушке, она там недавно появилась. А уж если она не поможет – тогда и поедem к врачам.

И вот взяла матушка Вероника всех своих четверых детей, младшего подмышку, и с автобуса на автобус добралась до Казанского монастыря. Поднялась на второй этаж. Дети остались в коридоре – даже, кажется, на лестничной площадке, а она – у Любушки в келье пробыла четыре часа. О чем они там говорили, осталось для меня тайной. Знаю только, что Любушка ее накормила, и даже положила на свою постель, и много-много ей всего сказала, в том числе и о том, что ее, эту матушку, в будущем ожидает. А когда она вышла из Любушкиной кельи, по коридору бегал ее мальчик, подбрасывая ножками, как будто в футбол играл, – куда девалась болезнь!

В домово́й церкви Вышневолоцкого Казанского монастыря Любушку всегда можно было увидеть перед большой Казанской иконой. Подолгу стояла она у Чаши со Святыми Дарами и причащалась медленно-медленно, а батюшка с Чашей в руках терпеливо ждал, пока она что-то тихо лепетала, и как бы любовалась Святыми Дарами, и говорила с Ними на своем ангельском языке – это было что-то великое, непостижимое. Стоишь, затаив дыхание, и смотришь на нее издалека, и благодаришь Господа, что сподобил тебя быть свидетелем этого чуда.

Потом она заболела. Помню, как она грелась в келье возле печки – то спиной, то боком, то животом прислонится к теплой стене большой белой Вышневолоцкой печки. «Надо что-то делать, Любушка! Может, я Вам хороших врачей привезу?» А она вдруг отошла от меня, встала в левом углу комнаты, лицом к стене: «Не вози ко мне мужиков, у меня Яков есть».

Любушке становилось все хуже и хуже. Первого сентября мы узнали, что Любушка лежит в больнице после тяжелой полостной операции. Врача, который ее оперировал, звали Яков. Рассказывали, что после операции к нему даже страшно было подойти, он очень переживал, был весь белый как полотно – ведь Любушка попала на операционный стол только через три недели после того, как у нее случился заворот кишок, в животе было что-то ужасное, начинался перитонит.

Батюшка наш, отец Наум, сразу отправил к ней своих духовных чад, они на следующий день были уже в Твери, и мы поехали в больницу. Нас пустили в реанимацию, и архимандрит Ефрем причастил там блаженную Любушку и отслужил водосвятный молебен.

А потом потянулись мучительные дни ее тяжелой болезни. Через два-три дня доктор сказал: «Ну, вот и всё, кишечник остановился, это конец». И мы с игуменией Иулианией на ночь глядя поехали в Лавру просить святых молитв нашего старца. Но вечером нам уже ничего не удалось ему сообщить, сколько ни ходили мы возле проходной, а когда рано утром оказались у него в приемной, сразу услышали от него: «Две монашки под окном пели поздно вечерком». И дал нам бутылочку с маслом от тридцати святых, с очень сильным ароматом розового масла, чтобы мы растерли им Любушке все тело.

Когда мы днем вернулись в больницу, врач сразу сказал нам, что произошло невероятное – ночью у Любушки заработал практически мертвый прооперированный кишечник. Она и выглядела уже по-другому. Накануне была совсем бледная – осунувшееся измученное лицо, заострившийся нос; а тут – щеки розовые, лицо опять округлилось.

В палате у Любушки была уже игумения Феофания, настоятельница Московского Покровского монастыря. Святейший Патриарх Алексей послал ее проведать Любушку, передал, что вынимает за нее частицу.

И вот мы с пением Трисвятого (втроем пели!) бережно помазали Любушку, всю, с ног до головы, батюшкиным розовым маслом, и когда я помазала ей лицо, она тихо сказала: «Хватит». А мы так и не понимали тогда, что происходит, что означает это помазание, все надеялись на исцеление. И все очевидные указания на ее неизбежную скорую смерть были закрыты, мы их не видели – или не хотели видеть.

А потом Любушка объявила голодовку. В воскресенье она отказалась от всех лекарств, отталкивала всех людей и наотрез отказалась есть, пока ее не отвезут в Казанский монастырь. И только повторяла: «Поедем домой». «Как врач – я не имею на это права, но как христианин я не могу поступить иначе. Она все сделала для того, чтобы мы были вынуждены ее отпустить в монастырь», – сказал нам ее доктор Иаков. Все это время он дежурил около нее по ночам, и в воскресенье тоже приехал в больницу.

Сообщили в Вышний Волочек. Матушка Феодора тут же отправила в Тверь свой старенький микроавтобус, а доктор позвонил своему другу, просто поделиться с ним всем происходящим. Друг в это время ехал на машине в Шереметьево – у него был билет в Испанию. Другом был человек, которого Любушка когда-то исцелила, – его привезли к ней на костылях, а ушел он от нее своими ногами. Он все выслушал и положил трубку. Потом подумал: «Какая Испания? Любушка умирает». Развернулся и полетел в Тверь на своем 600-м «мерседесе».

Пока мы с Тверской игуменией Иулианией и Суздальской игуменией Софией разбирались, как же довести на этом «рафике» Любушку до Волочка, черный «мерседес» уже остановился у дверей больницы.

Когда мы на суздальской «Оке» добрались, наконец, до Казанского монастыря, Любушка уже полулежала в белой горе подушек на своей кровати и, улыбаясь, тихо пела тропарь «Боголюбивой», и смотрела в окно, из которого был виден огромный монастырский собор, посвященный Царице Небесной. Возле нее кружились сестры и пели ей ее любимые песнопения, а мы стояли в дверях и молчали.

– Ничего, все будет хорошо, все обойдется.

– Любушка, у кого?

– у Любахи.

А на пятый день Любушка умерла. Это случилось 11 сентября 1997 года, в четверг. В день Усекновения Главы Иоанна Крестителя. Говорят, все блаженные – Ивановны. А Любушка и была Ивановна, Любовь Ивановна Лазарева.

Похоронили Любушку возле алтаря Казанского собора. День был пасмурный, но солнце пробилось сквозь тучи, когда начали служить литию у гроба, возле могилы. Многие видели, как солнце играло.

днажды я услышала от нашего старца: «Вам еще повезло, Вы застали блаженную Любовь. Сейчас таких нет».

– Почти всегда, – вспоминает ее келейница Раиса, – раздетая, в рваненьком. Ведь всё, что привозили ей, шло в монастыри, в храмы. И по молитвам ее Господь исцелял смертельные болезни. Вот я, – она показала мне на себя, – перед вами живой пример (она была смертельно больна, когда познакомилась с Любушкой). Господь исполнял любую Любушкину просьбу. Она сидела и молилась, вымаливала каждого человека. В Сусанино, напротив ее дома, жили немолодые люди, они выпивали. Любушка как-то стала просить у них кусочек хлеба, просила-просила, а они не дали. «Я хотела за кусочек хлебца их души спасти», – сказала она потом. – Господи, она мне дала хлебца, она мне дала булочку, прости их и спаси!»

Любушка всегда старалась быть в тех местах, где нужна была ее помощь: «Ой, надо, Раечка, нам с тобой в Питер поехать. Как там плохо! Там батюшки уходят. Я должна ему помочь». (Это было время, когда сменился митрополит на Питерской кафедре.)

О себе она как-то сказала: «Я, Любушка, нищая Христа ради». Ботинки у нее суконные, подошва тонкая, как газета. Я хоть травки туда напихаю, а она ее выбрасывает. «Любонька, ну зачем ты так себя мучаешь?» – «Нельзя. Боженька не услышит». А когда вымолит чей-то грех, уже в лежку лежит.

Она была беспощадна к себе, уже старенькая, больная – никогда не присядет на службе: «Плоть, – говорит, – жалеть нельзя».

В Шартоме Любушка как-то сидела на кровати и вспоминала по именам всю свою родню.

– А как же ты оказалась такая?

– А у меня, – отвечает, – по родству, по матери, очень благочестивый род.

Четыре тети – вековые девы, возили меня в Оптину.

– Ой, Раечка! – как-то воскликнула она, – если бы ты могла видеть, что делается! Ей было открыто все, что делается в мире.

Однажды она вошла в Питерский Никольский собор, и сказала: «Николай Чудотворец и Иоанн Кронштадтский, живые, ходят по храму».

Рассказывали, как один архимандрит – а сейчас митрополит – в бытность свою диаконом во Владимирской области приехал в Казанский храм и попросил разрешения там послужить. Посмотрел он на Любушку – старенькая, маленькая... «Ничего я в ней не нахожу», – только подумал так, как вдруг увидел: Любушка стоит на воздухе, выше всех людей, и молится.

Мы и теперь часто приезжаем в огромный Казанский монастырь к блаженной Любушке. В часовне, которая построена над Любушкиной могилой, поем панихиду и принимаем к холодному мрамору со своими бесконечными просьбами, и свято верим, что она всё так же слышит и теперь, как и раньше, когда еще жила на земле рядом с нами.

В заключение приведу отрывок из рассказа моей подруги – ректора Богословских курсов при Заиконоспасском монастыре – о ее поездке к блаженной старице:

– ...Между Любушкой и нашим батюшкой, архимандритом Наумом, была такая духовная связь, что, казалось, все, что говорил Батюшка, было освящено и ее молитвой. Если Господь по какой-то причине не открывал Батюшке Свою волю, и Батюшка сомневался, что сказать вопрошающему, он, бывало, посылал к Любушке, чтобы получить подтверждение своим рассуждениям. И если Батюшкино мнение не совпадало с мнением Любушки, Батюшка всегда советовал поступать по Любушкиным словам. В этом молитвенном созвучии, в этой удивительной способности ощущать себя частью Православного Предания, где каждый является лишь смиренным послушником воли Божией, которая открывается через людей, живущих благодатью Святого Духа, и заключается тайна благочестия и Церковного Предания. Именно в послушании Божественной воле, по словам архимандрита Софрония (Сахарова), и сокрыто «единственное условие для восприятия живого Предания». Иначе Священное Предание, «текущее из поколения в поколение», для нас пресечется, и мы окажемся вне соборного сознания Церкви. Поэтому-то так утешительно и радостно знать, что есть люди, которые живут Церковным Преданием, храня тайну послушания воле Божией, открывающуюся тому, кто ищет ее чистым и простым сердцем...